

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2025. 16(1): 58-69

DOI: 10.13187/rs.2025.1.58

<https://rs.cherkasgu.press>

Population Dynamics in Multinational Russia in the 1920s

Sergei A. Kropachev ^{a, *}

^a Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the results of the crisis decade (1914–1922) in Russian history. During these years, the country experienced the First World War and the Civil War, revolutions, intervention, political terror, epidemics, and the famine of 1921–1922, as well as changes in its borders. These events had a significant impact on the population, gender distribution, and age groups. The author explores the positive trends in the demographic development of the country and its peoples that emerged after the end of the Civil War, the demobilization of the army, and the introduction of the New Economic Policy. In the 1920s, pandemics and epidemics were defeated, mortality rates decreased, and birth rates and life expectancy increased. The article explores the demographic development of Russia's “major” ethnic groups and their significance for the sustainable development of a multi-ethnic country. The balance of population reproduction depended on exogenous and endogenous factors. Exogenous factors, such as famine, epidemics, deportations, terrorism, changes in borders, and mass migrations, had a negative impact on the growth rate of ethnic groups. Endogenous processes, on the other hand, had a positive effect on population dynamics. Internal processes include the established type of population reproduction and the traditional way of life of the peoples.

Keywords: 1920s, demographic development, mortality, birth rate, life expectancy, Russia, RSFSR, ethnic groups.

1. Введение

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи доминировали традиционные уклады жизни народов и укоренившиеся типы воспроизводства населения. Последние характеризовались высокой рождаемостью и смертностью (прежде всего, младенческой), большим удельным весом детей и молодежи, незначительной долей граждан пожилого возраста, сбалансированностью соотношений полов и небольшой средней продолжительностью жизни. В России в 1901–1910 гг. общий коэффициент смертности составлял 29,9 ‰, в 1911–1913 гг. – 27,1 ‰. Очень высоким в конце XIX – начале XX вв. был показатель детской смертности – 326 ‰, т.е. из каждых 10 родившихся младенцев 3,3 умирали (Жиромская, 2019: 7). Ожидаемая продолжительность жизни Европейской России в 1896–1897 годах составляла 31,3 года у мужчин и 33,4 года у женщин (Демографическая модернизация, 2006: 18).

При высоких показателях смертности ежегодный прирост населения в дореволюционной России составлял от 14,9 ‰ до 15,7 ‰. В итоге население Российской империи увеличилось с 128,9 млн человек в 1897 г. до 165,7 млн человек (без Финляндии) в 1914 г., т.е. на 28,5 ‰ (Жиромская, 2019: 8; Население России, 1: 148).

* Corresponding author

E-mail addresses: rektor@eipk.info (S.A. Kropachev)

2. Материалы и методы

Начиная с 1914 и до 1922 г., Россия пережила глобальные катастрофы – Первую мировую войну, революции, Гражданскую войну и интервенцию, пандемии и эпидемии острых инфекционных болезней, «красный» и «белый» террор и голод 1921–1922 гг. При этом потери военнослужащих в Первой мировой и Гражданской войнах были значительно меньше, чем повышенная убыль населения от пандемий, эпидемий и голода. Оценок военных потерь много. Их амплитуда очень значительна. Приведем наиболее убедительные, на наш взгляд, мнения. Известный демограф В.А. Исупов писал о том, что Россия в годы Первой мировой войны потеряла убитыми и умершими от разных причин от 1,5 до 1,8 млн солдат и офицеров, включая в эту цифру врачей и военных чиновников. Свою итоговую оценку потерь автор считал условной (Исупов, 2000: 55). Военные историки в коллективном труде оценили безвозвратные боевые и безвозвратные небоевые потери русской армии в войне 1914–1918 гг. в 2 254 тыс. человек (Россия и СССР..., 2001: 100).

Еще более запутанный вопрос с потерями периода Гражданской войны. Если проблема потерь военнослужащих Красной армии исследовалась и существуют ее многочисленные оценки, то потери белых армий и нерегулярных вооруженных формирований глубоко не изучались. Под последними понимаются партизаны всех цветов («красные», «зеленые» и др.), участники антисоветских и других мятежей, бандитские формирования, военные силы местных национальных правительств и квазигосударственных образований и т.п.

Общее количество безвозвратных потерь Красной армии за весь период Гражданской войны (1918–1922 гг.) – убитые, умершие на этапах санитарной эвакуации, пропавшие без вести, не вернувшиеся из плена и другие – составило 981 тыс. человек, из них $\frac{3}{4}$ пришлось на первые три года войны (Россия и СССР..., 2001: 149). Санитарные потери (раненые, контуженные, обожженные, заболевшие) составили за весь период войны 6,8 млн человек (Россия и СССР..., 2001: 149).

Потери противоборствующих сторон, Красной армии и контрреволюционных сил (видимо, белых армий) попытался оценить Ю.А. Поляков. Он считал, что убитые в боях, умершие от ран, болезней и другие потери участников вооруженной борьбы с обеих сторон составляют около 2,5 млн человек (Поляков, 1986: 104). Этот вывод подтверждают авторы многотомного издания «Население России в XX веке» (Население России, 1, 2000: 97).

В итоге армейские потери в годы Первой мировой и Гражданской войне составляют 4,0–5,5 млн человек (Демографическая модернизация..., 2006: 401). Приведенные оценки общих военных потерь весьма приблизительны и довольно условны, но и они в несколько раз ниже, чем потери гражданского населения от голода, эпидемий и террора. Войны и социальные катаклизмы, и как следствие, разруха, острый дефицит продовольствия и лекарств, голод, болезни привели к гибели миллионов мирных жителей.

Больше всего людей в период Гражданской войны (1918–1922 гг.) погибло от острых инфекционных болезней. От эпидемических и паразитарных болезней в период бушевавших пандемий и эпидемий испанского гриппа («спанка»), сыпного тифа («сыпняк»), брюшного тифа, возвратного тифа, неопределенного тифа, оспы, дифтерии, холеры, малярии, дизентерии, кори, скарлатины и коклюша погибли миллионы людей (Демографическая модернизация..., 2006: 402). Их количество варьируется от 5 до 7 и даже 9 млн человек (Исупов, 2000: 67; Демографическая модернизация..., 2006: 402). В 1919–1920 гг. в стране сыпным тифом переболело 4,4 млн человек, возвратным тифом – более 1 млн человек (Население России, 1, 2000: 103). Самые большие потери были от пандемии сыпного тифа, других видов тифа, малярии, испанского гриппа, дизентерии. Даже самые осторожные оценки повышенной убыли населения от острых инфекционных болезней в 1918–1920 гг. говорят о том, что они были выше, чем все армейские потери в Первой мировой и Гражданской войне вместе взятые.

Террор в годы Гражданской войны, как известно, был многоцветным. Кроме «красного» и «белого» террора, имел место «желтый» (еврейские погромы), «черный» (террор анархистов), «зеленый» (террор бело-зеленых и красно-зеленых вооруженных формирований). Несмотря на многочисленные попытки историков и демографов, установить истинные масштабы «красного» и «белого» террора не представляется возможным. Мало что дают известные, но противоречивые, версии и документы. Так, созданная в апреле 1919 г. генералом А.И. Деникиным «Особая Комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем вооруженными силами на

Юге России» назвала 1,7 млн жертв «красного» террора (Мельгунов, 1990: 87-88). В 1927 г. «Общество содействия жертвам интервенции», организация, официально действовавшая в СССР с 1924 г., выявила 111,7 тыс. жертв и свидетелей репрессий белогвардейцев (Поляков, 1986: 105). Эти документы носили пропагандистский характер и не имеют под собой научной основы. Ясно, что масштабы «красного» и «белого» террора исчисляются сотнями тысяч человек.

Единственная оценка террора, к которой пришли различные авторитетные исследователи, касается итогов еврейских погромов. «Желтый» террор, который прокатился по более чем 1500 местечкам и городам Украины и Белоруссии, унес жизни около 300 тыс. человек (Демографическая модернизация..., 2006: 404; Население России, 1, 2000: 98).

Следствием Гражданской войны, развала экономики, засухи 1921 г. стал массовый голод. В 1922 г. он достиг своей высшей точки. Число голодавших доходило до 30 и более миллионов человек (Население России, 1, 2000: 130). Амплитуда оценок погибших от голода, как и при анализе других подобных сложных явлений, весьма различна. Она колеблется от 1-1,5 млн (Максудов, 2019: 418; Поляков, 1975: 80, 90, 93; Население России, 1, 2000: 133) до 5 млн человек (Демографическая модернизация..., 2006: 401), в основном, жителей деревни. Первая цифра кажется маловероятной при десятках миллионов голодавших. Вторую некоторые историки (Максудов, 2019: 418; Поляков, 1975: 80, 90, 93) считают завышенной.

Неурожай и голод в Поволжье, Северном Кавказе, Украине и Казахстане привели к значительным демографическим потерям. Их следствием стало неорганизованное бегство от голода, которое охватило около 600 тыс. человек. Большинство устремилось в Сибирь и Туркестан. В дальнейшем вывоз людей из голодающих губерний принял организованный характер. Было эвакуировано около 1 млн человек (Население России, 1, 2000: 133).

Еще одно направление демографических потерь в результате революции и Гражданской войны – массовая безвозвратная эмиграция из страны в тех ее границах, которые установились ко времени образования СССР. Ее масштабы исследователи оценивают от 800 тыс. до 3 млн человек. Большинство считает цифру в 2 млн человек наиболее реалистичной и объективной. Кстати, ее приводил и В.И. Ленин (Население России, 1, 2000: 134-139; Демографическая модернизация..., 2006: 404-405).

В результате повышенной смертности и эмиграции Россия в 1914 г. – начале 1920-х гг. потеряла миллионы своих граждан. Точное их число назвать невозможно. Отечественные и зарубежные историки и демографы за последние 80 лет предлагали самые разные цифры и оценки. Все зависит от методов исчисления (суммирование видов потерь; метод демографического баланса), наличия и полноты данных и их достоверности, политической независимости исторического анализа, периода изучения и других факторов.

Так, Е. Кулишер и С. Максудов называли 13,8 млн людских потерь за 1914–1922 гг., Ф. Лоример – 18 млн человек за 1914–1926 гг., Б. Урланис – от 14,5 до 16 млн человек за эти же годы, С. Адамец – 17,1 млн человек за 1918–1923 гг. (Демографическая модернизация..., 2006: 405-406). В. Исупов определял прямые, косвенные и демографические потери страны за 1918-1922 гг. в 21,8 млн человек (Исупов, 2000: 68). По данным С. Захарова людские потери страны (военнослужащих и гражданских лиц) в 1916–1921 гг. колеблются в пределах от 12 млн до 18,6 млн человек (Жиромская, 2019: 9).

Демографические потери повлияли на численность населения России. Она значительно сократилась. Осенью 1917 г. в сопоставимых территориальных границах (за основу взяты границы 1926 г.) население России составляло 147 644,3 тыс. человек. В начале 1920 г. – 140 563 тыс. (вместе с Бухарой и Хивой), на начало 1921 г. – 136 757,3 тыс., на начало 1922 г. – 134 903,1 тыс. человек. Таким образом, с осени 1917 г. население страны сократилось к 1920 г. на 7,1 млн человек, к 1921 г. – на 10,9 млн человек, к 1922 г. – на 12,7 млн человек (Жиромская, 2019: 8, 9; Поляков, 1986: 94, 98).

Значительными были и территориальные потери. Они произошли в результате создания суверенных государств (Польша, Финляндия, Латвия, Лива, Эстония), признанных РСФСР территориальных уступок (Западная Украина, Западная Белоруссия, Печенга и Карсская область) и оккупацией Бессарабии Румынией. Всего от бывшей Российской империи в состав других государств отошла территория общей площадью 818 тыс. кв. км с населением в 31-32 млн человек. Это составляет более 3,7 % всей площади страны в границах 1920–1921 гг. (Население России, 1, 2000: 85, 86).

Существенные людские потери, сокращение населения нарушили структуру полов. В стране, прежде всего, в сельской местности остро ощущался дефицит мужчин. Среди лиц 1894–1898 гг. рождения соотношение мужчин и женщин составляло 1:2. Итоги Первой мировой и Гражданской войн, другие экзогенные факторы привели к значительной убыли мужчин. Как следствие, сократилось количество браков. В 1917 г. в России было заключено лишь 65% от числа браков, состоявшихся в 1913 г. Общий дефицит браков за три года Первой мировой войны составил 1700 тыс. (Жиромская, 2019: 9).

Все годы Первой мировой и Гражданской войны в стране была весьма высокой смертность населения, в т.ч. младенческая и детская. Например, в 1920 г. в Европейской России общий коэффициент смертности составлял 40,9 %. В этом году, по неполным данным, было зафиксировано 3,1 млн умерших (Жиромская, 2019: 9-11).

Потери мужчин в репродуктивном возрасте, снижение брачности привели к снижению рождаемости. В 10 губерниях Европейской России по сравнению с 1913 г. ее показатель понизился в 1914 г на 19 %, в 1915 г. на 58 %, в 1916 г. на 57 %. Падение рождаемости не прекратилось и в 1917 г. (Население России, 1, 2000: 149).

Ситуация стала меняться в лучшую сторону в 1918 г. По окончании Первой мировой войны была проведена первая очередь демобилизации, что сразу сказалось на повышении брачности. В 1919 г. медленно начала расти рождаемость. Но эти позитивные тенденции сошли на нет в годы Гражданской войны (Население России, 1, 2000: 149-150).

Осенью 1920 г. Гражданская война, в основном, закончилась. Большинство ее фронтов было ликвидировано. Начался медленный переход к мирной жизни. Но активные боевые действия продолжались в 1921-1922 гг. В эти годы были подавлены многочисленные мятежи на Тамбовщине, в Сибири, на Северном Кавказе, Украине и других регионах. В ноябре 1922 г. в состав РСФСР вошла Дальневосточная республика (ДВР). Завершился длительный период войны с белым движением и японскими интервентами. Борьба с басмачеством в Средней Азии продолжалась до начала 1930-х гг. (Россия и СССР, 2001: 157). Даже в 1921–1922 гг., на завершающем этапе Гражданской войны, потери РККА были большими. Безвозвратные потери: убитые, умершие на этапах санитарной эвакуации, пропавшие без вести, не вернувшиеся из плена, погибшие в результате происшествий и несчастных случаев, покончившие жизнь самоубийством, умершие от ран и болезней в госпиталях, составили (без Народно-революционной армии ДВР) 235 020 человек. В их число не включены санитарные потери (раненные, контуженные, обожженные, заболевшие) (Россия и СССР..., 2001: 147).

Тем не менее, страна постепенно возрождалась. Начались кардинальные перемены. В истории страны наступил новый этап. В конце 1920 г. началась вторая волна демобилизации. Численность РККА за вторую половину 1921 г. сократилась на 654 805 человек (Россия и СССР..., 2001: 142). Это были мужчины в трудоспособном, репродуктивном возрасте. Доля мужского населения в деревне и городе увеличилась. Как следствие, увеличились показатели брачности. Они были выше, чем в предыдущие военные годы. В деревне и городе было много вдов, поэтому возросло число повторных браков (Жиромская, 2019: 10-11).

Окончание Гражданской войны, демобилизация армии, воссоединение семей, создание новых семей, восстановление крестьянской общины с ее регулярными земельными переделами по количеству едоков привели к стабилизации демографической ситуации и повышению уровня рождаемости. Как известно, в деревне трудовая деятельность начиналась в раннем возрасте и крестьянские семьи были экономически заинтересованы в многодетности. Наличие большого количества детей способствовало процветанию крестьянского хозяйства (Исупов, 2000: 71). Этим же объясняется желание родителей рано женить своих сыновей. Таким образом они привлекали дополнительную рабочую силу в свое хозяйство. Работящая, плодovitая молодая невестка считалась удачным и выгодным приобретением большой крестьянской семьи. Тенденция активного привлечения детей и подростков к труду, прежде всего, в сельском хозяйстве продолжалась и в последующие годы. Только уже не в личном, а общественном хозяйстве. 13 апреля 1942 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». По этому постановлению не только увеличивался обязательный минимум трудодней для взрослых трудоспособных колхозников, введенный в 1939 г., но и впервые устанавливался минимум трудодней для подростков 12-16 лет, а также

определенное количество их выработки по периодам сельскохозяйственных работ для всех членов артелей. Постановление вводило уголовную, административную и иную ответственность, вплоть до исключения из колхоза, за невыполнение обязательного минимума трудодней (Арутюнян, 1970: 85-86).

Рост рождаемости напрямую зависел от увеличения количества браков. После революции 1917 г. все дела о браке и разводе изымались из ведения церковных органов. Единственно легитимным признавался гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей гражданского состояния. При этом церковный брак де-факто существовал довольно долго.

Войны нарушили структуру полов. По Всесоюзной переписи населения 1926 г. мужчин в России было на 4,5 млн меньше, чем женщин. Их доля в составе населения равнялась 47,8 % по сравнению с 52,2 % женщин. В ряде возрастных групп, прежде всего, детородного возраста, женщины значительно преобладали, составляя от 52,4 до 61,8 % (Жиромская, 2019: 16). Дефицит мужчин на брачном рынке заставил государство признать юридическую силу за фактическими браками. Они существовали в СССР с 1927 по 1944 гг. и имели широкое распространение. Увеличение количества браков, его разные формы (светский, церковный, фактический), упрощение процедуры заключения брака привели к росту рождаемости. Россия испытывала в 1920-е гг. своеобразный демографический взрыв. Общий коэффициент рождаемости в европейской части страны ни разу не опускался ниже 44,7 %. Пик пришелся на 1925 г., когда он составил 45,0 % (Жиромская, 2019: 14). В СССР коэффициент деторождения, прежде всего, в сельской местности, где проживало 82,1 % населения страны (Всесоюзная перепись..., 1992: 20), был еще выше. С 1923 по 1928 гг. он варьировался от 45,3 до 49 %. По утверждению В. Исупова, «в советской деревне в годы нэпа был достигнут предел рождаемости, ограниченный только физиологическими возможностями женского организма» (Исупов, 2000: 72).

Несмотря на высокие коэффициенты, довоенный уровень рождаемости так и не был достигнут. Лишь на три года показатели рождаемости в середине 1920-х гг. приблизились к нему (Жиромская, 2019: 14).

3. Обсуждение и результаты

Признаками перехода к мирной жизни стали преодоление разрухи и последствий Первой мировой и Гражданской войн, интервенции, восстановление экономики, стабилизация границ, резкое увеличение производства продуктов питания, товаров первой необходимости, медикаментов. Все это вело к повышению благосостояния и росту качества жизни.

Формировалась система бесплатного государственного медицинского обеспечения. Значительно улучшилась эпидемиологическая обстановка в стране. Были побеждены пандемии и эпидемии, свирепствовавшие в годы Гражданской войны. Однако, острые инфекционные и желудочно-кишечные болезни продолжали оставаться повседневным явлением.

Решающее значение для улучшения жизни и демографической ситуации имел переход от политики «военного коммунизма» к более лояльной, гибкой по отношению к народу, прежде всего, крестьянству, новой экономической политике.

В связи с улучшением экзогенных факторов, в стране сократилась смертность. В губерниях Европейской России общий коэффициент смертности в 1925 г. понизился до 24,1 %, а в Центрально-Промышленном районе – до 22,1 % (Население России, 1, 2000: 153). Это был лучший показатель, чем в целом по СССР. В 1925 г. он составил 28,7 % (Исупов, 2000: 72). При этом уровень младенческой и детской смертности продолжал оставаться высоким. В 1924 г. на каждую 1000 родившихся умирал 191 младенец, т.е. 19%, в 1925 г. — 20 %, в 1926 г. — 17 %, в 1927г. — 19 %. Среди детей, умерших в возрасте от 1 до 4 лет, 10 % приходилось на эти относительно благополучные годы (Жиромская, 2019: 14). По СССР эти показатели были выше и составляли в 1923–1928 гг. от 18,2 до 22,9 % (Исупов, 2000: 72).

Даже в относительно благоприятный период середины 1920-х гг. на долю внешних причин смертности приходилось 2/3 всех смертей. Это говорит о массовых инфекционных заболеваниях, высоком уровне травматизма, плохих бытовых условиях и недостаточном медицинском обслуживании. Хотя, необходимо отметить, что в 1920-е гг. в охране здоровья населения России были достигнуты определенные успехи, сделаны важные шаги для реализации первого этапа эпидемиологического перехода. Приведем показатели заболеваемости населения России инфекционными болезнями в 1913 и 1928 гг. на

10.000 населения. Брюшной тиф: 24,2 и 6,7; сыпной тиф: 6,6 и 2,2; оспа натуральная: 5,2 и 0,9; корь: 31,0 и 44,8; скарлатина: 29,8 и 20,8; коклюш: 34,2 и 32,8; дифтерия: 31,0 и 5,0; дизентерия: 30,7 и 10,0; малярия: 253,0 и 206,5 (*Демографическая модернизация...*, 2006: 262). Налицо существенное снижение заболеваемости, но острые инфекционные и желудочно-кишечные болезни полностью побеждены не были.

Переход к мирной жизни, смягчение экзогенных факторов, восстановление социальной инфраструктуры, снижение общих коэффициентов смертности населения, в том числе сокращение детской смертности, превышение рождаемости над смертностью привели к увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В середине 1920-х гг. в России продолжительность жизни мужчин составила 42 года, женщин — 47 лет (*Жиромская*, 2019: 14, 15; *Исупов*, 2000: 73). Это было значительно ниже, чем в США, Японии и развитых странах Европы (*Демографическая модернизация...*, 2006: 270-273), но за непродолжительное время произошел серьезный подъем. В 1913 г. средняя продолжительность жизни (у мужчин и женщин) составляла 32 года (*Страна Советов*, 1967: 38), в 1920 г. — только 20,5 лет (*Исупов*, 2000: 73).

Повышение рождаемости и снижение смертности в середине 1920-х гг. не компенсировали полностью потери 1914-1922 гг. Диспропорция половой структуры и возрастных групп преодолены не были.

Глобальным следствием позитивных изменений в России стал естественный прирост населения. Рождаемость заметно превышала смертность. В годы Гражданской войны и первые годы мира численность населения России последовательно и значительно сокращалась. За 1920 г. снижение количества жителей составило 3806 тыс. человек, за 1921 г. — 1854 тыс., за 1922 г. — 1592 тыс. человек (*Поляков*, 1986: 97, 98; *Население России*, 1, 2000: 95). С 1924 г. начался устойчивый рост численности населения. В целом по СССР коэффициент естественного прироста населения за 1923-1928 гг. составлял от 17,9 до 20,1 %. За период нэпа ежегодное увеличение численности населения Советского Союза за счет превышения рождаемости над смертностью составляло в среднем 3 млн человек (*Исупов*, 2000: 72, 73).

17 декабря 1926 г. была проведена Всесоюзная перепись населения. Она показала, что в Советском Союзе проживало (в границах до 17 сентября 1939 г.) 147 027 915 человек. Его территория составляла 21,2 млн кв. км (*Всесоюзная перепись...*, т. 17. 1929: 2). Это было меньше, чем в Российской империи в 1913 г. (159,2 млн) и в начале 1917 г. (163 млн) (*Страна Советов...*, 1967: 38; *Поляков*, 1986: 88). Территориальные и людские потери в 1914-1922 гг. объясняют эту существенную разницу. Сегодня цифра в 147 млн человек подвергается критике. Некоторые исследователи считают ее заниженной из-за недоучета населения при проведении переписи. Они предлагают ее скорректировать до 148,5 млн человек (*Жиромская*, 2019: 15; *Исупов*, 2000: 73).

Самой большой республикой СССР являлась Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР). Ее площадь составляла 19,6 млн кв. км. В республике проживало 100 891 244 человека, или 68,6 % от общей численности населения СССР. В республике насчитывалось 1 239 городских и 489 371 сельских населенных мест. Мужчин насчитывалось 48 170 635 и женщин 52 720 609 человек. На селе проживало 82,7 %, в городе — 17,3 % населения страны. Для удобства статистического анализа во время проведения переписи населения 1926 г. вся республика была условно разделена на 19 территориально-экономических регионов. Самым большим по численности населения был Центрально-Промышленный район. Там проживало 19 314 024 человека. Иногда границы этих районов совпадали с границами административных территориальных образований (Башкирская, Крымская, Дагестанская, Казакская, Киргизская, Бурят-Монгольская, Якутская АССР, Северо-Кавказский, Сибирский, Дальневосточный края), иногда нет (*Всесоюзная перепись...*, 17, 1929: 2, 3).

Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) обладала площадью 126,8 тыс. кв. км. В республике проживало 4 983 240 человек, или 3,4 % жителей Советского Союза. Насчитывалось 115 городских и 38 316 сельских населенных мест. Мужчин насчитывалось 2 439 801 и женщин 2 543 439. На селе проживало 83 %, в городе 17 % населения страны (*Всесоюзная перепись...*, 17, 1929: 2, 3).

Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР) была второй по территории и количеству населения. Ее площадь равнялась 451,6 тыс. кв. км. В республике

проживало 29 018 187 человек, или 19,7% от населения СССР. Имелось 402 городских и 54 770 сельских населенных мест. Мужчин насчитывалось 14 094 592 и женщин 14 923 595 человек. На селе проживало 81,5%, в городе 18,5% населения. В рамках переписи 1926 г. территория республики была разделена на 6 регионов (подрайонов): Полесский, Правобережный, Левобережный, Степной, Днепропетровский, Горнопромышленный ([Всесоюзная перепись..., 17, 1929: 2, 3](#)).

Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР) занимала площадь в 185,2 тыс. кв. км. В ней проживало 5 861 529 человек, или 4,0 % населения СССР. Имелось 98 городских и 12 385 сельских административных образований. Проживало 3 009 046 мужчин и 2 852 483 женщин. На селе проживало 76 %, в городе 24,0 % населения. В состав ЗСФСР входили Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР ([Всесоюзная перепись..., 17, 1929: 2, 3](#)).

Узбекская Советская Социалистическая Республика (УзССР) занимала площадь 311,5 тыс. кв. км, там проживало 5.272.801 человек, или 3,6 % населения СССР. Имелось 55 городских и 15 338 сельских административных образований. Проживало 2 797 420 мужчин и 2 475 381 женщин. На селе насчитывалось 79,1 %, в городе 20,9 % населения ([Всесоюзная перепись..., 17, 1929: 2, 3](#)).

Туркменская Советская Социалистическая Республика (ТССР) занимала площадь 449,7 тыс. кв. км, в ней проживало 1 000 914 человек, или 0,7 % населения Советского Союза. В республике имелось 17 городских и 3 407 сельских административных единиц. Насчитывалось 531 858 мужчин и 469 056 женщин. На селе проживало 86,3 %, в городе 13,7 % населения ([Всесоюзная перепись, 17, 1929: 2, 3](#)).

Во всех союзных республиках большинство населения проживало в сельской местности, количество сельских административных образований было в разы больше, чем городских. Плотность населения была не очень высокой. Наиболее плотно населенными территориями являлись губернии европейской части РСФСР и УССР. Северные и сибирские регионы России были заселены редко. Например, в Енисейской губернии плотность населения составляла 0,5 человека на одну версту (верста = 1,138 км) ([Население России, 1, 2000: 90, 91](#)). Население союзных республик по половому признаку было сбалансировано. Только в России на 4550 тыс. (9,4 %) мужчин было меньше, чем женщин ([Всесоюзная перепись..., 17, 1929: 2](#)), что явилось следствием Первой мировой и Гражданской войн, других экзогенных явлений. Мужское население России больше пострадало от революций, войн, голода, террора, эпидемий, эмиграции.

Начиная с середины 1920-х гг. население РСФСР постоянно и динамично росло. Но темпы роста у различных этносов были неодинаковыми. Многие зависело от климатических условий проживания, доступности учреждений здравоохранения, социальной сферы в целом, распространения норм гигиены, наличия медикаментов и предметов санитарии, структуры питания, бытовых условий, количества употребления алкоголя и табака, традиций, ментальности, религиозных верований и других факторов. Качество жизни в отдаленном северном стойбище или высокогорном ауле значительно отличалось от жизни в большом городе с его цивилизационными преимуществами и доступностью социальной инфраструктуры.

Здоровье этносов, качество и продолжительность жизни их представителей были различны. Обратимся к анализу темпов роста наиболее многочисленных народов России за десять лет (1926–1937 гг.) (см. [Таблицу 1](#)).

Таблица 1. Темпы роста этносов России в 1926–1937 гг.

№ п/п	Название этноса	Количество по переписи 1926 г.	Количество по переписи 1937 г.	Прирост или убыль в%
1	Русские	74.072.096	85.361.394	+11.2
2	Украинцы	7.873.331	3.087.022	-60.8
3	Белорусы	637.634	349.214	-45.2
4	Поляки	197.827	92.078	-53.4
5	Латыши	116.601	54.493	-53.3
6	Немцы	806.301	651.429	-19.2

№ п/п	Название этноса	Количество по переписи 1926 г.	Количество по переписи 1937 г.	Прирост или убыль в%
7	Евреи, в т.ч. крымские и горские	588.719	783.471	+33.1
8	Карелы	248.030	231.464	-6.7
9	Эстонцы	150.378	89.529	-40.5
10	Коми-зыряне	226.292	259.382	+14.6
11	Коми-пермяки	149.448	121.082	-19.0
12	Вотяки (удмурты)	504.018	563.404	+11.8
13	Марийцы	428.001	398.525	-6.9
14	Мордва (мордвины)	1.334.659	1.214.189	-9.0
15	Чуваши	1.114.813	1.115.384	+0.5
16	Татары	2.846.734	3.607.507	+26.7
17	Башкиры	712.366	752.880	+5.7
18	Калмыки	129.200	123.617	-4.3
19	Буряты и монголы	238.043	216.831	-8.9
20	Якуты	240.687	239.203	-0.6
21	Кабардинцы	139.871	150.278	+7.4
22	Чеченцы и ингуши	390.515	435.922	+11.6
23	Даргинцы	108.963	144.597	+32.7
24	Аварцы (авары)	139.664	219.288	+57.0
25	Армяне	195.410	163.277	-16.4
26	Осетины	157.348	173.260	+10.1
27	Финны и финны ленинградские	134.165	135.643	+1.1

Источник: [Всесоюзная перепись..., 9, 1929: 34, 36, 38](#); [Всесоюзная перепись..., 2007: 88-90](#)

В таблице не представлены крупные этносы — казахи, киргизы и узбеки. В состав РСФСР входили Казахская и Киргизская АССР. В 1936 г. они были выделены в самостоятельные союзные республики. По переписи 1926 г. в России насчитывалось 3 851,6 тыс. казахов, 671,9 тыс. киргизов, 324,2 тыс. узбеков. Последние проживали в Казахстане и Киргизии ([Всесоюзная перепись..., 9, 1929: 38, 74](#)).

Темпы прироста или убыли зависели от многих факторов. Прежде всего, от показателей рождаемости и смертности. Большинство крупных этносов количественно выросли, демонстрируя высокие темпы рождаемости. Русские за десять лет выросли на 11 289,3 тыс. человек, или на 11,2 %. Их численность увеличивалась в среднем на 1 128,9 тыс. в год.

Все многочисленные этносы Северного Кавказа — чеченцы, ингуши, кабардинцы, даргинцы, аварцы, осетины и др. за этот период значительно выросли — от 7,4 до 57 %. Большинство из них исповедовали ислам. Рост числа коренных жителей северокавказских республик продолжался в последующие годы ([Кропачев, 2024: 179](#)).

Активно в демографическом отношении развивались народы Поволжья: татары, башкиры, удмурты, чуваша. Несколько потеряли в темпах роста марийцы и мордва. Татары впервые за многие годы стали вторым по численности, после русских, народом в стране. Они опередили украинцев, занимавших многие десятилетия вторую строчку в пирамиде национальностей. В межпереписной период количество татар увеличилось на 26,7 %. Произошло это вследствие высоких темпов рождаемости и включения в состав татар родственных народов — бухарцев и кряшенов ([Всесоюзная перепись..., 2007: 312](#)).

Некоторые большие народы — украинцы, белорусы, поляки, латыши, немцы, эстонцы в Российской Федерации потеряли от 19,2 до 60,8 %. Прежде всего, значительно сократилась численность украинцев. Она произошла, в том числе, по причинам деукраинизации в Северо-Кавказском крае в начале 1930-х гг. По переписи 1926 г. там проживало 3 106,8 тыс. украинцев, или 37 % от общего числа жителей ([Всесоюзная перепись..., 9, 1929: 70](#)). В 1939 г. в Краснодарском крае, Ростовской области и других административных единицах Северного Кавказа — 327,0 тыс. человек ([Всесоюзная перепись..., 1992: 59, 60, 66, 68](#)). Разница составила 2,8 млн человек. После выхода из состава РСФСР Казахстана и Киргизии проживавшие там украинцы (795,6 тыс. по состоянию на 1939 г.) ([Всесоюзная перепись...,](#)

1992: 75, 78) были взяты на статистический учет в новых союзных республиках. Передача в 1928-1929 гг. из РСФСР в УССР ряда пограничных поселений Брянской и Курской губерний в незначительной степени повлияла на количество украинцев (Круглов, 2020: 98, 99, 100). Таким образом, произошло сокращение на 3,6 млн человек.

Сокращение численности этносов или отсутствие их роста в первой половине 1930-х гг. также были связаны с голодом 1932-1933 гг., депортациями и эпидемиями. От голода в СССР погибло от 7,2 до 10,8 млн человек (Население России, 1, 2000: 276). Некоторые авторы называют конкретную цифру в 7 млн человек (Исупов, 2000: 93). В РСФСР погибло от голода около 3 млн человек (Демографическая модернизация..., 2006: 411). Голод и эпидемии не спрашивали национальности. От них погибали и страдали представители всех этносов. Так, по неполным данным, от голода в Казахстане погибло 1,3 млн, в Поволжье — 0,4 млн, на Северном Кавказе — 1 млн человек (Население России, 1, 2000: 275, 276).

Эпидемии конца 1920 — начала 1930-х гг. стали следствием массовой миграции крестьян в города в условиях форсированной коллективизации, хаотичной урбанизации, голода, острого дефицита жилья и медикаментов. В 1932–1933 гг. в СССР официально было зарегистрировано более 1 млн случаев сыпного тифа, 50 тыс. заболеваний возвратным тифом, 500 тыс. — брюшным тифом, почти 6,5 млн случаев малярии (только в 1933 г.). Страну захлестнула волна желудочно-кишечных болезней, болезней органов дыхания, детских инфекций, авитаминозов. В городах свирепствовали дизентерия и туберкулез (Исупов, 2000: 85).

Еще одним экзогенным фактором, который влиял на количество населения в 1930–1940-е гг., были депортации, организованные по этническому признаку. Первые этнические чистки середины 1930-х гг. были проведены по периметру границ СССР и коснулись немцев, поляков, финнов, курдов и иранцев (персов). Они были отнесены к «пятой колонне» и коснулись народов, чьи метрополии входили в союз фашистских государств или были их фактическими или потенциальными сателлитами. Так, в апреле-мае 1935 г. из Ленинградской области и Карелии было выселено 23 217 финнов в Западную Сибирь, Урал, Казахстан и Среднюю Азию (Земсков, 2005: 78).

4. Заключение

Мы видим, что баланс воспроизводства населения зависел от экзогенных и эндогенных факторов. Экзогенные причины — голод, эпидемии, депортации, террор, изменения границ, массовые миграции, хаотичная урбанизация отрицательно влияли на темпы роста этносов. Эндогенные (гипогенные) процессы, как правило, положительно сказывались в 1920-е гг. на динамике численности населения страны. К внутренним процессам отнесем укоренившийся тип воспроизводства населения. А именно: раннее вступление в брак, многодетные патриархальные семьи, фактическое неприменение аборт, запрет разводов. Существенное влияние имел традиционный уклад жизни народов, где большое значение имели традиции, религиозные верования, институты общественного (деревенского) контроля, сакраментальная роль женщины в семье и обществе. В частности, можно установить прямую зависимость между верой, например, исламом и количественным ростом исповедующих его этносов (народы Поволжья, Северного Кавказа). Определенное значение для увеличения численности народов играло национальное самосознание, этническая солидарность, адаптационные качества. Некоторые народы, помимо восточнославянских, были представлены во всех субъектах республики (евреи, армяне, татары) и не последнее значение для их существования и развития имело то обстоятельство, насколько быстро и глубоко они смогут приспособиться к жизни в «чужом» социуме и адаптироваться к другим традициям, обычаям, языку и вере.

1920-е гг. некоторые авторы называют «эрой умиротворения» и «золотым веком» советской демографии (Исупов, 2000: 71; Демографическая модернизация..., 2006: 448-451). Это справедливо, но лишь отчасти. Этот короткий период вместил в себя огромное количество исторических событий, от окончания Гражданской войны и голода 1921–1922 гг., до начала «великого перелома». Период демографических кризисов предыдущего десятилетия (1914–1922 гг.) был преодолен. На смену политике «военного коммунизма» пришел более гибкий, лояльный нэп с элементами частной собственности, рынка, многокультурной демократии. Этноты России стабильно и поступательно развивались, росла их численность, сохранялось культурное, языковое, конфессиональное разнообразие.

К сожалению, этот короткий период сменился этапом демографических кризисов, продолжавшихся до середины XX в.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в соответствии с Планом научной работы Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН. Номер научной темы 0149-2022-0009. Номер НИОКТР 122040800034-2.

Литература

[Арутюнян, 1970](#) – *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1970. 466 с.

[Всесоюзная перепись..., 9, 1929](#) – Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. СССР, 1929. 228 с.

[Всесоюзная перепись..., 17, 1929](#) – Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. Союз Советских Социалистических Республик. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Издание ЦСУ СССР, 1929. 111 с.

[Всесоюзная перепись..., 2007](#) – Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.

[Всесоюзная перепись..., 1992](#) – Всесоюзная перепись населения 1939. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.

[Демографическая модернизация..., 2006](#) – Демографическая модернизация России. 1900–2000 гг. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

[Жиromская, 2019](#) – *Жиromская В.Б.* После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. 2-е изд. стер. М; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 200 с.

[Земсков, 2005](#) – *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.

[Исупов, 2000](#) – *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

[Кропачев, 2024](#) – *Кропачев С.А.* Этническая карта России в 1920-е годы. Историко-демографическое исследование. М.: Кучково поле, 2024. 192 с.

[Круглов, 2020](#) – *Круглов В.Н.* Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 408 с.

[Максудов, 2019](#) – *Максудов С.* Победа над деревней: Демографические потери коллективизации. М; Челябинск: Социум, 2019. 601 с.

[Мельгунов, 1990](#) – *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП "РУИСО", "PS", 1990. 203 с.

[Население России, 1, 2000](#) – Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.

[Поляков, 1975](#) – *Поляков Ю.А.* 1921-й: победа над голодом. М.: Политиздат, 1975. 112 с.

[Поляков, 1986](#) – *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 272 с.

[Россия и СССР..., 2001](#) – Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 608 с.

[Страна Советов..., 1967](#) – Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М.: Статистика, 1967. 351 с.

References

[Arutjunjan, 1970](#) – *Arutjunjan, Ju.V.* (1970) Sovetskoe krest'janstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Soviet Peasantry during the Great Patriotic War]. 2-e izd., dop. M.: Nauka, 466 p. [in Russian]

[Demograficheskaya modernizatsiya..., 2006](#) – Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 1900–2000 gg. [Demographic Modernization of Russia. 1900–2000]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p. [in Russian]

[Isupov, 2000](#) – *Isupov, V.A.* (2000). Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoj polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic catastrophes and crises in

Russia in the first half of the 20th century: historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf, 244 p. [in Russian]

[Kropachev, 2024](#) – *Kropachev, S.A. (2024). Etnicheskaja karta Rossii v 1920-e gody. Istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The ethnic map of Russia in the 1920s. A historical and demographic study]. M.: Kuchkovo Pole, 192 p. [in Russian]

[Kruglov, 2020](#) – *Kruglov, V.N. (2020). Organizatsija territorii Rossii v 1917–2007 gg.: idei, praktika, rezul'taty* [The organization of Russia's territory in 1917–2007: ideas, practices, and results]. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 408 p. [in Russian]

[Maksudov, 2019](#) – *Maksudov, S. (2019) Pobeda nad derevnej: Demograficheskie poteri kollektivizatsii* [The demographic losses of collectivization]. M.; Chelyabinsk: Sotsium, 601 p. [in Russian]

[Melgunov, 1990](#) – *Melgunov, S.P. (1990) Krasnyj terror v Rossii. 1918–1923* [The Red terror in Russia. 1918–1923]. M.: SP "RUIO", "PS", 203 p. [in Russian]

[Naselenie Rossii, 1, 2000](#) – *Naselenie Rossii v XX veke (2000). V 3 t. T. 1* [Population of Russia in the 20th Century. In 3 vol. Vol. 1]. M.: ROSSPEN, 463 p. [in Russian]

[Polyakov, 1986](#) – *Polyakov, Yu.A. (1986). Sovetskaja strana posle okonchanija Grazhdanskoj vojny: territorija i naselenie* [The Soviet country after the end of the Civil War: territory and population]. M.: Nauka, 272 p. [in Russian]

[Polyakov, 1975](#) – *Polyakov, Yu.A. (1975). 1921-j: pobeda nad golodom* [1921: Victory over Famine]. M.: Politizdat, 112 p. [in Russian]

[Rossija i SSSR..., 2001](#) – *Rossija i SSSR v vojnax XX veka. Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century: a statistical study]. M.: OLMA-Press, 2001. 608 p. [in Russian]

[Strana Sovetov, 1967](#) – *Strana Sovetov za 50 let. Sbornik statisticheskikh materialov* [The country of the Soviets in 50 Years. Collection of statistical materials]. M.: OLMA-Press, 1967. 608 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 17, 1929](#) – *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. (1929) T. XVII. Sojuz Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. Narodnost'. Rodnoj jazyk. Vozrast. Gramotnost'* [The All-Union population Census of 1926, vol. XVII. The Union of Soviet Socialist Republics. Nationality. Native language. Age. Literacy]. M.: Izdanie TsSU SSSR, 111 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 1992](#) – *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939. (1992) Osnovnye itogi* [All-Union Census of 1939. Main Results]. Moscow: Nauka, 256 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 2007](#) – *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 g. (2007) Obshhie itogi. Sbornik dokumentov i materialov* [All-Union Census of 1937. General Results. A Collection of Documents and Materials]. M.: ROSSPEN, 320 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis'..., 9, 1929](#) – *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. (1929) T. IX. Rossijskaja Sovetskaja Federativnaja Socialisticheskaja Respublika. Narodnost'. Rodnoj jazyk. Vozrast. Gramotnost'* [All-Union Census of 1926. Vol. IX. Russian Soviet Federative Socialist Republic. Nationality. Native Language. Age. Literacy]. M.: Izdanie TsSU SSSR, 228 p. [in Russian]

[Zemskov, 2005](#) – *Zemskov, V.N. (2005) Specposelency v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. M.: Nauka, 306 p. [in Russian]

[Zhiromskaya, 2019](#) – *Zhiromskaya, V.B. (2019). Posle revolyucionnyh bur': Naselenie Rossii v sereдинe 20-h godov* [After the revolutionary storms: the population of Russia in the Mid-1920s]. 2-e izd. ster. M.; Berlin: Direkt-Media, 200 p. [in Russian]

Динамика численности населения многонациональной России в 1920-е гг.

Сергей Александрович Кропачев ^{a, *}

^a Институт российской истории РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются итоги кризисного десятилетия (1914–1922 гг.) в истории России. В эти годы страна переживала Первую мировую и Гражданскую войну,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rektor@eipk.info (С.А. Кропачев)

революции, интервенцию, политический террор, эпидемии, голод 1921–1922 гг., изменения границ. Всё это сказалось на количестве населения, структуре полов, соотношении возрастных групп. Автор исследует позитивные тенденции в демографическом развитии страны и ее народов, которые наступили после окончания Гражданской войны, демобилизации армии, введения нэпа. В 1920-е гг. были побеждены пандемии и эпидемии, сократилась смертность, увеличилась рождаемость и продолжительность жизни. В статье раскрываются особенности демографического развития «больших» этносов России и их значение для устойчивого развития полиэтнической страны. Баланс воспроизводства населения зависел от экзогенных и эндогенных факторов. Экзогенные причины – голод, эпидемии, депортации, террор, изменение границ, массовые миграции отрицательно влияли на темпы роста этносов. Эндогенные процессы положительно сказывались на динамике численности населения. К внутренним процессам отнесем укоренившийся тип воспроизводства населения и традиционный уклад жизни народов.

Ключевые слова: 1920-е гг., демографическое развитие, смертность, рождаемость, продолжительность жизни, Россия, РСФСР, этносы.